

Жуковский в Зимнем дворце при Николае I

Г. А. Принцева

Среди замечательных людей XIX века, чья жизнь была связана с Зимним дворцом, по длительности и значению этой связи вряд ли кто-нибудь сравнится с Василием Андреевичем Жуковским (1783–1852) – великим русским поэтом и удивительным человеком, нравственная чистота которого освещала жизненный путь многих современников.

В числе их была и семья императора Николая I: его жена, императрица Александра Федоровна, их дети; и особенно сильным было влияние личности поэта на старшего сына, – цесаревича Александра Николаевича, будущего императора Александра II.

В. А. Жуковский (ил. 1) был наставником наследника в течение почти 20 лет. Ближе Жуковского к царской семье не было русских литераторов. Он был своим человеком в этой семье. «Оттого его положение в этой придворной стихии было самое трудное. Только в отношениях к царской фамилии ему всегда хорошо»¹. Придворным в традиционном понимании этого звания Жуковский так и не стал. Он остался великим поэтом, верным другом, смелым защитником А. С. Пушкина и декабристов, замечательным тружеником-педагогом, независимым и несокрушимым, несмотря на мягкость характера и утонченность интеллекта. Александра Осиповна Смирнова-Россет, также проведшая многие годы при дворе, писала об этой особенности Жуковского: «отношения его к старым товарищам, к друзьям молодости никогда не изменялись. Не раз он подвергался неудовольствию государя за свою непоколебимую верность некоторым из них. Обыкновенно он шел прямо к императрице, с ней объяснялся и приходил в восторге сообщить, что „эта душа все понимает...“ Такой-то натуре пришлось провести столько лет в коридорах Зимнего дворца. Но он был чист и светел душою и в этой атмосфере, ничего не утратив, ни таланта, ни душевных сокровищ»².

Когда при дворе стало известно о назначении Жуковского, нашлись противники этого решения, считавшие, что на такую должность необходим известный генерал, а не внебрачный сын помещика Тульской губернии, будь он и знаменитым поэтом. «Да, моего сына будет воспитывать Жуковский, и я вам скажу почему, – ответил им Николай I. – Я получил бедное образование и, может быть, гожусь для теперешнего времени, но мой сын будет царствовать в другое время, когда будут другие требования, и он должен к ним подготовиться»³. Жуковский должен был отвечать за образование наследника; нравственное воспитание мальчика Николай также поручил не знатному вельможе, но бедному офицеру «в капитанском чине», как писал П. А. Плетнёв, лично известному императору «по примерной нравственности, по благородству и нежности сердца, по преданности к исполнению долга и к высоким христианским правилам»⁴. Это был Карл Карлович Мердер (1788–1834), в прошлом боевой офицер, человек храбрый, добрый, умный, волевой. Современники единодушны в его оценке. Его «прямотушие, честность и благородство» отмечал и Жуковский. Мердер (ил. 2) был «образованный человек, который уж, конечно, не стал бы обучать цесаревича одной „фрунтовой“ части», – писал Епанчин⁵.

Жуковский воспринимал свое назначение как необходимость служения высоким гражданским идеалам, а в царственном ученике стремился воспитать и образовать человека, которому должны быть дороги, прежде всего, интересы и слава России.

Поэт вошел в жизнь наследника, еще восьмилетнего ребенка, и покинул его, когда тот был двадцатидвухлетним молодым человеком, накануне женитьбы. Жуковский не дожил до воцарения Александра II и не мог наблюдать и оценить результаты своих трудов. Однако, безусловно, без влияния его, а также профессоров, подобранных им для образования цесаревича,



Ил. 1. И. И. Реймерс. Портрет В. А. Жуковского. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5590. Государственный Эрмитаж

не сформировались бы убеждения будущего царя, начавшего свое царствование с манифеста об освобождении крестьян и амнистии декабристов и окончившего его проектом конституционного устройства России.

Связь Жуковского с русским двором началась задолго до рождения великого князя Александра Николаевича. В начале 1812 года имя поэта стало известно всей образованной России после публикации элегии-оды «Певец во стане русских воинов» – патриотического прославления побед над Наполеоном. Жуковский и сам был участником Отечественной войны в качестве ополченца, только жестокая болезнь в декабре 1812 года заставила его покинуть войска в Вильне. Получив отпуск по болезни, он уехал на родину в город Белёв Тульской губернии. Друзья – А. И. Тургенев, С. С. Уваров, П. А. Вяземский – ждали его в Петербурге. «Ты зовешь меня в Петербург, – отвечал Жуковский Тургеневу. – Но теперь невозможно. Я обеднел совершенно. Мой поход стоил мне половины моего капитала, о котором, однако, не жалею. Для путешествия в Петербург нужны деньги»⁶. В октябре 1814 года Жуковский отправил в Петербург из Белёва А. И. Тургеневу поэму «Императору Александру», созданную в честь взятия Парижа, для поднесения императрице Марии Федоровне. Тургенев сам поднес царице великолепно переплетенный рукописный экзем-



Ил. 2. И. И. Реймерс. Портрет воспитателя Александра II К. К. Мердера. Санкт-Петербург. 1835. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5592. Государственный Эрмитаж

пляр этой поэмы и с чувством прочитал ее в кругу царской семьи. Успех был необычайный. Императрица приказала издать стихотворение в пользу Жуковского и пригласила его в Петербург, желая познакомиться со всеми его новыми произведениями. Но Жуковский не сразу откликнулся на радушный царский призыв, он боялся утратить независимость, и планы императрицы о его будущих придворных занятиях вызывали пока только тревогу.

Однако обстоятельства личной жизни поэта вскоре привели его в Петербург, независимо от приглашения двора и друзей. В очередной раз рухнули надежды поэта жениться на горячо любимой им сводной племяннице Марии Протасовой из-за несогласия ее матери. Надо было начинать служить, а значит ехать в Петербург. «Боюсь петербургской жизни, боюсь рассеянности, боюсь своей бедности и нерасчетливости», – писал Жуковский А. И. Тургеневу в 1815 году почти накануне приезда к нему в дом на Фонтанке⁷.

В Петербурге его привлекала пока только судьба писателя. Но для независимого творчества нужны были деньги, и друзья решили хлопотать о назначении Жуковскому-поэту постоянной пенсии от двора. Через несколько дней после приезда в Петербург Жуковский был представлен С. С. Уваровым императрице Марии Федоровне (ил. 3). Аудиенция эта состоялась в Зимнем



Ил. 3. Д. Доу. Портрет вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Великобритания. Вторая половина 1820-х. Холст; масло. Инв. № ГЭ-8607. Государственный Эрмитаж



Ил. 4. П. Ф. Соколов. Портрет императрицы Александры Федоровны. Россия. Начало 1820-х. Бумага на картоне; акварель, цветной карандаш. Инв. № ЭРР-7277. Государственный Эрмитаж

дворце, очевидно, в одной из гостиных вдовствующей императрицы.

Мария Федоровна занимала более двадцати помещений второго этажа. Еще при жизни Павла I эти комнаты были отделаны по рисункам архитектора В. Ф. Бренна и сохраняли эту отделку до перестройки их К. И. Росси и О. Монферраном в 1827–1830-х годах.

Большие официальные залы обращены в сторону двора, а анфилада жилых комнат выходила на Дворцовую площадь. В начале анфилады примыкали к Кавалергардскому залу столовая и гостиные вдовствующей императрицы. Здесь, очевидно, и состоялось знакомство ее и Жуковского.

В августе 1815 года Жуковский был назначен чтецом при вдовствующей императрице. В течение

этого года и последующих лет до назначения его в придворный штат наследника, приезжая в Петербург, поэт мог бывать на половине Марии Федоровны, в том числе и в ее библиотеке. Несомненно, приглашали его и на обеды. По воспоминаниям камер-пажа П. М. Дарагана, относящимся к 1818 году, «два раза в неделю у императрицы Марии Федоровны был семейный обед; в прочие дни обед с гостями». Жуковского доброжелательно принимали и в Павловске, где находился летом двор Марии Федоровны, но представить себя постоянно при дворе он еще не мог и писал родным – семье Киреевских в имение Долбино, что «прекрасный уголок на моей родине» дороже всего⁸.

30 декабря 1816 года Жуковскому была назначена Александром I пожизненная пенсия

4000 рублей в год «для доставления нужной при его занятиях независимости состояния». «Мой пенсион есть для меня происшествие счастливое, без всякой примеси неприятного, – писал Жуковский родным. – Я ни о чем не заботился и не хлопотал. Все сделала попечительная дружба Тургенева. Он без моего почти ведома заставил поднести кн. Голицына, нынешнего министра просвещения, государю экземпляр моих сочинений. Правда, надобно было написать посвятительное письмо государю, – но вот все, что сделано с моей стороны... Мысль, что будущее обеспечено, успокаивает душу. Теперь постоянный труд для меня обязанность»⁹. Эту обязанность Жуковский воспринимал как литератор, в связи с чем он начал строить планы будущих эпических и лирических произведений.

В апреле 1817 года, навещая в Дерпте семью Протасовых-Майеров (в январе того года Маша Протасова вышла замуж за доктора В. Майера), Жуковский встретился с писателем Григорием Андреевичем Глинкой, профессором российской словесности и помощником воспитателя великих князей Николая и Михаила Павловичей. Глинке была предложена должность учителя русского языка молодой жены великого князя Николая Павловича, прусской принцессы Фридерики-Луизы-Шарлотты-Вильгельмины, после крещения – великой княгини Александры Федоровны. Но Глинка был болен, ехал лечиться на воды и искал себе заместителя на эту должность.

«Он сделал мне от себя следующее предложение, – сообщал Жуковский А. Тургеневу. – Для принцессы Шарлотты нужен будет учитель русского языка. Место это предлагают с 3000 жалованья от государя и 2000 от великого князя, с квартирою во дворце великого князя... Занятие один час каждый день. Остальное время свободное... Обязанность моя соединена будет с совершенною независимостью. Это главное!.. Это не работа наемника, а занятие благородное... Здесь много пищи для энтузиазма, для авторского таланта»¹⁰. Предложение это увлекло Жуковского, потому что он был педагогом-просветителем по призванию. Еще в юности он с увлечением воспитывал и обучал своих племянниц Марию и Александру Протасовых. Однако решить свою судьбу, дать за него согласие или отказ он поручил друзьям, А. И. Тургеневу и Н. М. Карамзину, прося их взвесить все...

Назначение Жуковского учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны (ил. 4) состоялось весной 1817 года, а в октябре

того же года он уехал с двором в Москву. К. Н. Батюшков и А. С. Пушкин 3 октября проводили его до Царского Села, где состоялся прощальный обед. Так Жуковский вошел в круг семейства великого князя и надел мундир придворного. «С указкой втерся во дворец... Бедный певец!» – не без сарказма реагировал А. А. Бестужев-Марлинский в известной эпиграмме. А И. И. Дмитриев писал Тургеневу: «Кажется, поэт мало-помалу превращается в придворного; кажется, новость в знакомствах, в образе жизни начинаете прельщать его»¹¹.

Так известный поэт, скромный обитатель Белёва и Мишенского, любивший сельское уединение, мечтавший жить в кругу семьи Протасовых-Майеров в Дерпте или в имении под Тулой, вошел в царскую семью как свой человек и сохранил ее привязанность до конца жизни. В его отношениях к высоким друзьям царили простота и человечность, особенно в отношении к дамам. Личность великого князя, а затем императора Николая I не допускала особенной близости. Но со своей первой ученицей Жуковский сблизился душевно, находя ее умной, добросердечной, образованной и обладающей художественным вкусом. «Он их (членов царской семьи. – Г. П.) любил с горячностью, – писала А. О. Смирнова-Россет, – а императрицу Александру Федоровну с каким-то энтузиазмом, и был им всем предан душевно»¹². Императрица также сердечно привязалась к Жуковскому. Сохранились ее дружеские письма к поэту, свидетельствующие об искреннем расположении.

«Я люблю свою должность, – писал Жуковский в дневнике 27 октября 1817 года, когда начались его занятия с великой княгиней. – Не последнее счастье быть привязанным к тому, что должно. Я надеюсь со временем сделать свои уроки весьма интересными. Они будут не только со стороны языка ей полезны, но и дадут пищу размышлению и подействуют благотельным образом на сердце. Одним словом, до сих пор чувствую себя совершенно счастливым в своей должности, и счастливым особенно потому, что чувствую себя со всех сторон независимым: извне и внутри души». Некоторое время спустя он отразил в дневнике свои впечатления: «...в моей ученице час от часу открываю более милых, непорочных прелестей сердца. Душа откровенная до младенчества; ум прекрасный, но еще не напуганный опытом... я имел удовольствие слышать от нее, и, кажется, это было искренно, что мои уроки ей нравятся»¹³.

Жуковский усердно готовился к своим занятиям с ученицей, он составил для великой княгини



Ил. 5. В. И. Погонкин (литограф), Митуар Бенуа Шарль (автор оригинала). Портрет великой княгини Елены Павловны. Санкт-Петербург. Кон. первой четв. XIX в. Бумага; литография. Инв. № ЭРГ-19480. Государственный Эрмитаж

особую грамматику, уделяя большое внимание параллельному чтению немецкой литературы и переводам, которые делал для нее сам. Правда, иногда в разговорах с друзьями проскальзывала грусть по несостоявшейся поэтической судьбе. «Мы ожидаем от тебя поэмы», – говорил Жуковскому Батюшков. «Поэму пишет Сверчок, – отвечал Жуковский. – А я составляю грамматические таблицы»¹⁴.

17 апреля 1818 года в Москве, где в это время еще находился двор, великая княгиня Александра Федоровна родила наследника, будущего императора Александра II. Его появление на свет Жуковский приветствовал торжественными стихами, еще не подозревая о том, что ему придется отдать этому мальчику не только свой педагогический и литературный талант, но и все высокие качества души, чтобы развить в нем светлые и добрые начала.

Вернувшись в Петербург придворным, Жуковский поселился в Аничковом дворце, где жила семья великого князя Николая Павловича. В отношениях Жуковского с обитателями дворца господствовали простота и сердечность, почти исключавшие этикет. Характерен эпизод, упоминаемый в воспоминаниях А. О. Смирновой-Россет. Как-то Жуковский

не явился во дворец на интимное собрание, не получив приглашения. Александра Федоровна, узнав об этом, удивилась и объявила, что Жуковский «родился приглашенным», и ему не нужно ждать официальных приглашений, он «всегда желанный гость».

Таким же желанным гостем оставался Жуковский и в Зимнем дворце на половине императрицы Марии Федоровны. «В зиму 1823 года, – пишет Н. К. Шильдер, – при дворе много веселились, душою этих увеселений была императрица Мария Федоровна. По воскресениям у вдовствующей государыни бывали балы, а по четвергам в комнатах же Ее величества спектакли, где играли французские пьесы и изредка русские. По окончании представления подавали ужин»¹⁵.

«К этим вечерам, – добавляет Данилевский, – приглашались министры, члены Государственного совета, придворные чины первых трех классов, генерал- и флигель-адъютанты, дежурные камергеры и камер-юнкеры и несколько сенаторов, служивших в заведениях, состоявших под начальством императрицы Марии Федоровны, а ровно и почетнейшие из армейских генералов, приезжавших в Петербург в отпуск»¹⁶.

Трудно себе представить, что на вечерах хотя бы изредка не бывал «родившийся приглашенным» Жуковский.

В это же время он стал учителем еще одной царственной ученицы. Осенью 1823 года он писал об этом А. П. Елагиной, сообщая, что его вторая ученица – невеста великого князя Михаила Павловича – невеста великого князя Михаила Павловича, тоже немка, в православии великая княгиня Елена Павловна (ил. 5). «Надобно было множество, множество для нее приготовить. Это моя главная слабость – закопавшись в одно, я все другое, самое милое, самое святое, откладываю...»¹⁷.

В феврале 1824 года за преподавание языка великой княгине Елене Павловне Жуковский получил из Кабинета Ее Императорского Величества 5000 рублей, а 6 апреля 1824 года орден Святой Анны 2-й степени¹⁸. К июлю 1825 года занятия с Еленой Павловной были окончены. Однако с великой княгиней, человеком, сыгравшим, как известно, значительную роль в истории русской культуры, Жуковский на всю жизнь сохранил дружеские отношения. В его дневнике постоянно, вплоть до отъезда поэта навсегда из Петербурга, встречаются записи об участии в семейных обедах у Елены Павловны в Михайловском дворце.

Летом 1824 года Жуковский был назначен наставником великого князя Александра Николаевича (ил. 6); официально же эта должность



Ил. 6. К. К. Гампельн. Портрет великого князя Александра Николаевича. Россия. Середина XIX в. Бумага; литография. Инв. № ЭРГ-1816. Государственный Эрмитаж

была зафиксирована в формулярном списке поэта 12 июля 1825 года. Тогда же он получил орден Святого Владимира 3-й степени¹⁹.

Войдя в придворный штат, Жуковский стал постоянно посещать дворец, так как должен был присутствовать на всех торжественных выходах, церемониях, богослужениях. Был он свидетелем во дворце и тревожных событий междоусобия 19 ноября – 14 декабря 1825 года. Василий Андре-

евич 27 ноября находился на богослужении в соборе Зимнего дворца, которое началось «во здравие» императора Александра I и было прервано известием о его кончине. На глазах Жуковского увели из ризницы собора императрицу Марию Федоровну, которой стало дурно при этом известии, при нем же вскоре в собор вернулся великий князь Николай Павлович для принесения присяги императору Константину.

Жуковский был приглашен во дворец и на торжественное богослужение в честь вступления на престол Николая I 14 декабря 1825 года. Вся первую половину дня, когда император организовывал отпор восставшим полкам на Сенатской площади, Жуковский провел с императрицами Александрой Федоровной и Марией Федоровной на половине последней. За годы знакомства с ней он сумел оценить и большую благотворительную деятельность вдовствующей императрицы, о которой впоследствии писал: «В Зимнем дворце... жила Государыня Мария Федоровна, супругою наследника империи, императрицу, матерью двух императоров... С одной стороны, приняв под свой покров сиротство, нищету, вдовство и болезнь, она сделалась благотворительницею настоящею, с другой, приняв на себя заботы о женском воспитании в России, она явилась Провидением домашней жизни и нравов семейных русского народа и положила основание будущему его благоденствию, коего источник есть нравственность жен и просвещенная деятельность матерей семейства»²⁰. Это было написано в 1837 году, когда Зимний дворец сгорел, и Жуковский в записке о пожаре охарактеризовал роль дворца и его обитателей в истории России. Тогда Жуковский уже почти завершил свое поприще воспитателя наследника, которое при назначении вызвало у него столько сомнений и породило столько хлопот.

«Вам известно, Государыня, что я никогда не думал искать того места, которое я занимаю ныне при Великом князе, – обращался Жуковский в 1826 году к императрице Александре Федоровне. – Вашему величеству угодно было сперва возложить на меня обязанность передать некоторые первоначальные познания Вашему сыну во время Вашего последнего отсутствия из России. Я следовал известной определенной системе, которую с тех пор усовершенствовал. Мои старания увенчались успехом, и я сам убедился, что обладаю некоторой способностью преподавать таким образом, чтобы привязывать воспитанника к труду, развивать его ум и внушать ему охоту к занятиям»²¹.

«Жуковский, я думаю, погиб невозвратно для поэзии, – писал А. Дельвиг Пушкину в Михайловское. – Он учит великого князя Александра Николаевича русской грамоте и, не шутя говорю, все время посвящает на сочинения азбуки. Для каждой буквы рисует фигурку, а для складов картинки. Как обвинять его! Он исполнен великой идеи: образовывать, может быть, царя. Польза и слава народа русского утешает несказанно сердце его»²².

«Жуковский сделался великим педагогом, – вторил Дельвиг Тургенев в письме Вяземскому. – Сколько прочел детских и учебных книг! Сколько написал планов и сам обдумал некоторые. Выучился географии, истории и даже арифметике. Шутки в сторону; он вложил свою душу даже в грамматику и свое небо перенес в систему мира, которую объясняет малютке. Он сделал из себя какого-то Аристотеля»²³.

С официальным назначением Жуковского наставником для него наступило время забот, ответственности и упорного педагогического труда. «В голове одна мысль, в душе одно желание, – пишет он А. П. Зонтаг в 1827 году, – не думавши, не гадавши, я сделался наставником наследника престола. Какая забота и ответственность! Надобно учить и учиться, и время захвачено. Прощай навсегда поэзия с рифмами. Поэзия другого рода со мною, мне одному знакомая, понятная для единого меня, но для света безмолвна. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь»²⁴.

Поскольку новое назначение застало Жуковского во время болезни, до вступления в должность он просил отпуск для лечения на водах в Эмсе и для подготовки к новой деятельности. Время отпуска совпало также и с окончанием следствия и суда над декабристами, и со временем коронации Николая I, на которой поэт не был.

В Германии Жуковский закупал все необходимое для учебного процесса: книги для учителей и ученика, планы, карты, рисунки, гравюры, наглядные пособия. В Париже он собрал французскую часть учебной библиотеки с помощью известного педагога аббата Николаи. Здесь он слушал лекции по педагогике, консультировался с выдающимися учеными, литераторами, художниками. Чтобы ближе познакомиться с педагогической системой Генриха Песталоцци, которая интересовала его, Жуковский отправился затем в Швейцарию (ил. 7).

«По плану учения великого князя, мною деланному, все лежит на мне. Все его лекции должны сходиться в моей, которая есть для всех пункт соединения; другие учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете из этого заключить, сколько мне нужно приготовиться, чтобы лекции могли идти без всякой остановки», – сообщил Жуковский А. П. Елагиной из Дрездена в феврале 1827 года²⁵.

«Всякое утро я просыпаюсь рано и приступаю к своей работе, – писал он императрице в начале того же года. – По-видимому, она кажется сухою – я составляю исторические таблицы; но она имеет для меня всю прелесть моих прежних поэтических



Ил. 7. Л. И. Киль. В. А. Жуковский на берегу Женевского озера. Место создания неизвестно. 1838. Бумага; акварель, лак. Инв. № ЭРР-5625. Государственный Эрмитаж

работ. Весь мой день ей посвящен, и я прерываю ее только для приятной прогулки»²⁶.

«Дорогой и милый мой Жуковский... – отвечала ему в Берлин императрица. – Возвращайтесь скорее, вы будете всеми нами приняты, как член маленькой Аничковской семьи»²⁷.

Плодом всех этих усиленных трудов явился подробный «План учения» великого князя, отправленный Жуковским в Петербург Николаю I для утверждения.

Жуковский-педагог предусмотрел стройную трехступенчатую систему, соответствующую начальной, средней и высшей школе. Он учел также все нужные пособия, высказал пожелания о расположении учебной комнаты, комнаты для игр и гимнастики, мастерской для ручных работ. Он настаивал на безусловной дисциплине в процессе обучения, на постоянном местопребывании зимой в Петербурге, а летом в одном из пригородных дворцов, высказываясь против частых переездов с места на место. Предусмотрел он также расписания и цели прогулок, характер и сроки экзаменов.

С возвращением Жуковского в Петербург осенью 1827 года начинается новый период в жизни и поэта, и его воспитанника. Их жизнь сосредотачивается в Зимнем дворце и долгие годы протекает совместно в его залах и комнатах. «А мой адрес в Петербурге в Зимнем дворце», – сообщал Жуковский своей родственнице Е. Г. Пушкиной в мае 1828 года²⁸. Здесь его ожидала новая квартира, вещи были перевезены еще в его отсутствие. Воспитателю наследника отвели помещение в Шепелевском доме, примыкавшем к Зимнему дворцу со стороны Большой Миллионной улицы. Дом камергера Шепелева, построенный в конце 1740-х годов, неоднократно перестраивался, а в самом конце XVIII века архитектор И. Е. Старов надстроил еще один этаж и перепланировал помещения, соединив дом с комплексом эрмитажных зданий. Верхние антресоли, выходившие окнами на Миллионную улицу, были в 1825 году перестроены под квартиру Жуковского. Устройство своего жилища и наблюдение за отправкой и упаковкой



Ил. 8. Г. Михайлов, А. Мокрицкий. Кабинет Жуковского в Шепелевском доме. (Субботнее собрание у В. А. Жуковского). 1834–1836. Холст; масло. Инв. № Ж-18. Всероссийский музей А. С. Пушкина. Фрагмент на с. 163

вещей Жуковский поручил своей племяннице А. А. Воейковой, жившей с мужем на Невском проспекте напротив Аничкова дворца. Посетив Шепелевский дом, А. А. Воейкова отчитывалась перед Жуковским: «Комнат у тебя четыре, в анфиладе, из коих одна огромная с прелестным камином – потом две сбоку – потом одна сбоку с русской печью». Воейкова обратила внимание на «прекрасно расписанные паркеты», «прехорошенькие диваны и кресла», на большие зеркала, столы красного дерева. «Все чисто и весело, только ужасно высоко»²⁹.

Современники Жуковского отмечали его умение устраивать свой быт со вкусом и комфортом. Новая квартира давала для этого большие возможности. Огромный кабинет представлял собой «мастерскую просвещенного художника». Он отличался благородной простотой обстановки, соединявшей в себе рабочий кабинет поэта, библиотеку и место для приема гостей. В этом кабинете проходили знаменитые субботние собрания Жуковского (ил. 8), где встречались литераторы, художники, актеры, вся просвещенная интеллигенция Петербурга. Часто поднимался сюда и Пушкин, всегда признававший в поэзии Жуковского своим учителем, а в жизни заступником и спасителем. «Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!»³⁰

Кабинет Жуковского в Шепелевском доме хорошо известен по картине, исполненной уче-

никами А. Г. Венецианова Г. Михайловым и А. Мокрицким. Жуковский встречался с Пушкиным и друзьями и в служебных помещениях Зимнего дворца, в частности у фрейлины А. О. Смирновой-Россет, которая жила во дворце в 1826–1832 годах³¹. Здесь, в атмосфере, свободной от придворного этикета, обсуждались политические и литературные новости. Жуковский бывал у А. О. Смирновой-Россет постоянно. Он искренне любил и ценил эту замечательную женщину, оставившую о нем трогательные воспоминания. Дружбой ее дорожили все литераторы пушкинского круга. «В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякий день ко мне», – пишет Смирнова-Россет³². Помимо Пушкина, здесь бывали Вяземский, Плетнёв, Одоевский. Впоследствии друзьями Смирновой-Россет были Тургенев, Лермонтов и Гоголь.

Посещал Жуковский неофициальные помещения Зимнего дворца и в печальные недели ноября 1836 – января 1837 года, когда пытался вместе с фрейлиной Екатериной Ивановной Загряжской предотвратить дуэль поэта. Он снова стал частым посетителем непарадных апартаментов и участником частной жизни обитателей царской резиденции.

Однако это происходило на закате придворной карьеры Жуковского, а в конце 1820-х годов при переезде в Шепелевский дом его придворно-педагогическая карьера только начиналась.

Все дни были заполнены непрерывной подготовкой к занятиям с великим князем. «Бывало,





Ил. 9. Н. Г. Чернецов. Библиотека наследника цесаревича Александра Николаевича. Россия. До 1837. Бумага; акварель. Инв. № ОР-26171. Государственный Эрмитаж. Фрагмент на с. 165

придешь к нему в Петербурге: он за книгою и делает выписки, с карандашом, кистью или циркулем, и чертит, и малюет историко-географические картины. Подвиг, терпение и усидчивость... Он наработал столько, что из всех работ его можно составить обширный педагогический архив», – удивлялся Вяземский³³.

Из шепелевской квартиры ежедневно Жуковский отправлялся в Зимний дворец, на половину наследника, в его учебную комнату. Половина наследника, состоявшая из семи комнат, находилась на втором этаже Зимнего дворца в западной его части между Салтыковской лестницей и малым Фельдмаршалском залом. В истории Зимнего дворца эта западная часть традиционно была связана с мальчиками – великими князьями. Первыми поселились здесь братья Александр и Константин Павловичи, апартаменты для которых были перестроены Дж. Кваренги; причем старший, будущий император, занимал комнаты, обращенные окнами к Адмиралтейству (ныне залы № 168–174), а Константин был поселен по другую сторону Темного коридора (залы № 162–165).

Александр Павлович жил здесь недолго – до 1793 года, а после женитьбы переехал в помещения северо-западного ризалита, перестроенные И. Е. Старовым на месте Овального зала. В его комнаты поместили малолетнего Николая Павловича, который хорошо сохранил в памяти их расположение и убранство и оставил их подробное описание. Впоследствии здесь жил и самый младший из сыновей Павла I великий князь Михаил Павлович.

Наконец, в 1826 году эта половина перешла к наследнику Николаю I великому князю Александру Николаевичу, который остался жить в этих комнатах после восшествия на престол.

Сохранилось несколько акварельных рисунков Н. Г. Чернецова, исполненных до пожара 1837 года, которые представляют нам комнаты наследника, где каждый день бывал Жуковский. На первом из них (ил. 9) изображено помещение библиотеки, устроенной здесь Монферраном в 1828 году, – это первая комната от Салтыковской лестницы в анфиладе, выходящей окнами к Адмиралтейству (ныне зал № 174). Обстановку





Ил. 10. Н. Г. Чернецов. Приемная комната наследника цесаревича Александра Николаевича. Россия. До 1837. Бумага; акварель. Инв. № ОР-26170. Государственный Эрмитаж



Ил. 11. Н. Г. Чернецов. Учебная комната наследника цесаревича Александра Николаевича. Россия. До 1837. Бумага; акварель. Инв. № ОР-26169. Государственный Эрмитаж

библиотеки составлял кабинетный гарнитур красного дерева с высокими книжными шкафами вдоль стен, большим письменным столом, бюро, массивным учебным столом, креслами, стульями, табуретами. Подзеркальную тумбу между окон украшали золоченые вазы и бронзовые часы, а книжные шкафы, камин и подоконники – многочисленные копии с античных бюстов. Окна были задрапированы малиновой с желтыми разводами тканью. Акварель фиксирует допожарную отделку, созданную Дж. Кваренги. После пожара, восстановленная А. П. Брюлловым, эта комната именуется в документах прихожей, бильярдной или оружейной. Библиотека переместилась в шестую комнату анфилады (ныне зал № 169).

Следующий зал – приемная с большими окнами и выходом на балкон над Салтыковским подъездом (ил. 10). Кваренги выдержал ее в голубых тонах с мерцающей позолотой. Живописная декорировка стен, фриза сводов и распалубков придавала ей строгий и вместе с тем нарядный вид, а скромная нейтральная меблировка подчеркивала официальный характер помещения (зал № 173).

Третья комната была та самая учебная, где за большим столом проходили ежедневные занятия наследника (зал № 172). Вдоль стен стояли полushкафы орехового дерева. Над ними висели многочисленные учебные таблицы, над составлением которых долгие месяцы трудился Жуковский. В центре стены напротив окон висел парадный портрет Александра I. Преобладающий зеленый цвет стен гармонировал с обитой зеленым сафьяном мебелью (ил. 11). По настоянию Жуковского в комнате не было ничего лишнего, отвлекающего внимание.

«Хожу сверху Шепелевского дворца в учебную комнату моих милых учеников и более ничего, – писал Жуковский А. А. Воейковой. – Час от часу отделяюсь далее от света. Не знаю, хорошо ли это, но оно так. Мне по-настоящему не надо разлучаться с современным; напротив – надобно бы за ним следовать внимательно. Но это для меня невозможно, не умею гоняться за двумя зайцами. <...> Приютился к другой семье, живу в мире детей, но моих подле меня нет»³⁴. Детей – учеников Жуковского – вскоре стало трое, так как по желанию Николая I и с согласия Жуковского



Ил. 12. И. И. Реймерс. Портрет совоспитанника Александра II графа И. М. Виельгорского. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5618. Государственный Эрмитаж



Ил. 13. И. И. Реймерс. Портрет совоспитанника Александра II А. В. Паткуля. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5619. Государственный Эрмитаж



Ил. 14. И. И. Реймерс. Портрет литератора П. А. Плетнева. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5605. Государственный Эрмитаж



Ил. 15. И. И. Реймерс. Портрет историка, географа и статистика К. И. Арсеньева. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5606. Государственный Эрмитаж



Ил. 16. И. И. Реймерс. Портрет профессора химии Г. И. Гесса. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5614. Государственный Эрмитаж



Ил. 17. И. И. Реймерс. Портрет химика А. Б. Кемерера. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5600. Государственный Эрмитаж

вместе с наследником «проходили курс наук» его ровесники граф Иосиф Виельгорский (ил. 12) и Александр Паткуль (ил. 13). «Чтоб побудить наследника хорошо учиться, ему дали двух товарищей; старшего сына Виельгорского Иосифа и молодого Паткуля... Это товарищество было нужно, как шпоры для ленивой лошади», – вспоминала А. О. Смирнова-Россет³⁵. Действительно, соревнование должно было побуждать наследника лучше учиться и снимало налет исключительности – он учился вместе со сверстниками и мог объективнее судить о своих способностях.

«Наследник начал уже серьезно заниматься... <...> Вечером первый подходил тот, у кого были лучшие баллы, обыкновенно бедный Иосиф, который краснел и бледнел; что касается до Паткуля, тот никогда не помышлял о такой чести. Наследник не любил Виельгорского, хотя не чувствовал никакой зависти: его прекрасная душа и нежное сердце были далеки от недостойных чувств. Просто между ними не было симпатии. Виельгорский был слишком серьезен, вечно рылся в книгах, жаждал науки, как будто спеша жить, готовил запас навеки. Придворная жизнь была для него тягостна»³⁶.

В учебной комнате читали лекции наследнику и его товарищам выдающиеся деятели нау-

ки того времени. По настоянию Жуковского приглашались действительно замечательные ученые и педагоги.

Для чтения лекций по российской словесности Жуковский пригласил Петра Александровича Плетнёва (ил. 14), поэта, критика, журналиста, профессора, затем ректора Санкт-Петербургского университета, академика российской словесности. «Петр Александрович был человек высокого роста, крепко сложенный и приятной наружности. Он был другом В. А. Жуковского и приятелем Пушкина. Этим различием и определяется характер Плетнёва. Тихая мечтательность творца Светланы была ближе его природе, чем страстность величайшего нашего поэта», – писал В. А. Соллогуб³⁷. Напомним, что Плетнёв отличался не только литературным талантом и блестящим знанием современной словесности, но и безупречным литературным вкусом. Это был человек пушкинской ориентации русской словесности, издатель Пушкина и сотрудник «Современника». Можно себе представить, что на лекциях Плетнёва читались и анализировались самые замечательные и достойные произведения, так как он постоянно был окружен такими выдающимися современниками как Лермонтов, Гоголь, Вяземский, Одоевский.

Плетнёву, по словам Вяземского, было свойственно «добросовестное... по святой любви служение литературе, изящный и верный вкус, с которым любили справляться и советоваться Баратынский и сам Пушкин»³⁸.

«...Плетнёв заменил Жуковского, когда науки сделались серьезнее», – писала А. О. Смирнова-Россет, сама талантливая ученица Плетнёва по Смольному институту. «Русскую историю, – продолжает она, – преподавал профессор Арсеньев, скучнейший из смертных»³⁹. «Скучнейший из смертных», по мнению остроумной и темпераментной Смирновой-Россет, Константин Иванович Арсеньев (ил. 15) был выдающимся историком, географом, экономистом-статистиком, профессором Санкт-Петербургского университета и академиком, одним из основателей Императорского Географического общества (1845) и автором большого числа работ по географии и истории России. Лекции Арсеньева по экономической географии и истории немало способствовали формированию критических взглядов наследника на экономику страны и крепостное право.

Из числа учителей наследника достоин упоминания и замечательный ученый, химик Герман Иванович Гесс (ил. 16), открывший четыре неизвестных до того минерала и ставший основателем



Ил. 18. И. И. Реймерс. Портрет математика академика Э. Д. Коллинса. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5602. Государственный Эрмитаж



Ил. 19. И. И. Реймерс. Портрет протопресвитера В. Б. Бажанова. Санкт-Петербург. 1837–1838. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5613. Государственный Эрмитаж



Ил. 20. И. И. Реймерс. Портрет графа М. М. Сперанского. Санкт-Петербург. 1839. Бумага; акварель. Инв. № ЭРР-5617. Государственный Эрмитаж



Ил. 21. Н. Г. Чернецов. Кабинет-спальня наследника цесаревича Александра Николаевича. Россия. 1837. Бумага; акварель. Инв. № ОР-26168. Государственный Эрмитаж

современной термехимии. Он – один из первых исследователей Забайкалья, глава химических кафедр Горного, Технологического институтов и университета и к тому же один из организаторов снабжения Петербурга невской водой при помощи системы водопроводных труб. Известными учеными были также Александр Богданович Кеммерер (ил. 17), исследователь уральских минералов и председатель Петербургского общества фармацевтов, и Эдуард Альбертович Коллинс (ил. 18), академик-математик, правнук знаменитого Л. Эйлера.

Иностранные языки были приглашены преподавать такие известные лингвисты, как В. А. Эртель и С. А. Варранд, а богословие читали крупные ученые, богословы-филологи Герасим Петрович Павский и Василий Борисович Бажанов (ил. 19). Первый из них, по выражению Пушкина, был «умным, ученым и добрым священником», второго он называл «человеком очень порядочным»⁴⁰. Бажанов, доктор богословия и профессор Санкт-Петербургского университета, был также другом Жуковского на протяжении многих лет, о нем хорошо отзывался умный, острый на язык и скупой на похвалы П. Вяземский.

Среди учителей наследника был и знаменитый реформатор Михаил Михайлович Сперанский (ил. 20), читавший ему в течение двух лет лекции по юриспруденции и российскому уголовному, гражданскому и семейному праву; он же готовил наследника к присяге в день его совершеннолетия (29 апреля 1834 года) и написал ее текст. За преподавание цесаревичу русского права Сперанский в 1837 году получил алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного.

Военное образование наследника завершал барон Генрих Вильянович Жомини, известный теоретик военного дела, автор многих военно-исторических и теоретических сочинений. Он читал высшую стратегию и военную политику. С экономикой и финансовой политикой России наследника знакомил министр финансов Е. Ф. Канкрин, а с курсом внешней политики страны – старший советник Министерства иностранных дел барон Ф. И. Бруннов.

Весной 1837 года курс образования наследника был завершен. Именно в этом году его запечатлел на акварели Н. Г. Чернецов (ил. 21): цесаревич сидит за столом в кабинете-спальне и разбирает деловые бумаги. Здесь проходила большая часть



Ил. 22. Э. П. Гау. Библиотека императора Александра II. Россия. 1867. Бумага; акварель. Инв. № ОР-14462. Государственный Эрмитаж



Ил. 23. Портрет Николая I. Санкт-Петербург. 1855. Пиккар. Кость; акварель; бархат, бронза (ободок), стекло. Инв. № ЭРР-39. Государственный Эрмитаж

жизни великого князя, и убранство кабинета отражало его личные вкусы (зал № 171). Простая по форме и удобная мебель, на стенах много картин с батальными сюжетами, на маленьком столике – акварели с портретами близких; у стены алькова узкая походная кровать, на которой спал, следуя примеру отца, наследник. Два больших зеркала – одно между окон, другое между арками алькова – украшали эту комнату.

Последняя в ряду личных комнат Александра Николаевича – его библиотека со сводчатым потолком (ил. 22). Описывая апартаменты молодого цесаревича после женитьбы в 1841 году, камер-юнгфера великой княгини Марии Александровны А. И. Яковлева вспоминала: «Государь...

здоровался и вводил меня в библиотеку, она же и второй кабинет. Эта комната была огромная, заставленная по стенам высокими шкафами красного дерева с надписями на каждом, какого отдела находятся в нем книги»⁴¹.

Библиотека-кабинет была негласно посвящена В. А. Жуковскому. Наследник ощущал духовное родство со своим учителем, которому был очень благодарен. Здесь по распоряжению цесаревича был повешен большой портрет Василия Андреевича работы художника Т. Гильденбрандта. Жуковский незримо присутствовал в комнатах императора до конца его дней. Задумывался ли Жуковский над своей судьбой, считал ли он выполненной поставленную цель образования

и воспитателя наследника? Его письма и дневник свидетельствуют о постоянных размышлениях на эту тему – ведь отношения учителя и ученика не всегда были гармоничны.

Иногда Жуковский остро чувствовал одиночество при дворе, внутренний разлад и неудовлетворенность выбранным жизненным путем; чувство это усиливалось размолвками с Николаем I (ил. 23), не понимавшим всей глубины самоотверженности Жуковского. Василий Андреевич часто напоминал императору о судьбе своих друзей, близких и знакомых, хлопоча о смягчении их участи, и по большей части это были люди, неугодные двору и лично Николаю I. Помимо постоянных забот о судьбе Пушкина поэт одолевал императора просьбами о смягчении участи ссыльных декабристов. Во время поездки с наследником по Сибири в 1837 году он стремился получить разрешение печатать некоторые их произведения. Особенно активны были хлопоты Жуковского в пользу декабриста Николая Тургенева, жившего за границей. Это заступничество вызвало личное недовольство Николая I, что породило ссоры поэта с императором, который негодовал и называл поэта сторонником людей преступных. Причинами их размолвок и ссор были не только помощь Жуковского осужденным декабристам, но и его дружба с неугодными престолу литераторами, его общественная позиция. До Николая I доходили доносы Бенкендорфа и Булгарина о настроениях Жуковского. Сохранились воспоминания об одной аудиенции, когда император вызвал его для объяснения. «Это свидание было не объяснение, а род головомойки, в которой мне нельзя было поместить почти ни одного слова»⁴².

Оскорбленный Жуковский вынужден был напомнить императору о том, что ему пришлось многим поступиться для исполнения важной роли наставника наследника престола: «Теперь живу не для себя. Я простился со светом; он весь в учебной комнате великого князя, где я исполняю свое дело, и в моем кабинете, где я к нему готовлюсь... Каждый из учителей великого князя имеет определенную часть свою; я же не только смотрю за ходом учения, но и сам работаю по главным частям... Чтобы вести такую жизнь, какую веду я, нужен энтузиазм»⁴³.

В этих ссорах с императором посредником и миротворцем выступала обычно императрица, всегдашняя заступница поэта, которая сглаживала недоразумения и грубость супруга.

Еще одно столкновение произошло у Жуковского с царем из-за статьи Ивана Киреевского

в первом номере журнала «Европеец» (1832). Император счел неблагонадежными рассуждения о политике в статье «Девятнадцатый век» и запретил журнал. Жуковский, опасаясь за судьбу автора – сына его племянницы, сказал царю, что совершенно ручается за Киреевского. «А за тебя кто поручится?» – грубо ответил Николай. Жуковский был оскорблен, сказался больным и перестал являться в учебную комнату великого князя. Императрица убедила супруга, что он должен извиниться, и тот извинился, встретив Жуковского во дворце⁴⁴.

Подобные ссоры из-за различия в мировоззрении и характерах были неизбежны, и Жуковский старался избегать контактов с императором. Только в учебной комнате и на женской половине дворца поэту было свободно и комфортно.

Но особенно горьки были Жуковскому моменты разлада с учеником, в котором он не хотел повторения высокомерия и душевной черствости его отца. На страницах его дневника мелькают замечания: «Мое влияние на него ничтожно... Я для него только представитель скуки... Посреди каких идей обыкновенно кружится бедная голова его и дремлет его сердце?»⁴⁵. С самоуверенностью, несдержанностью и ленью воспитанника он боролся постоянно.

Однако разочарование сменялось радостными впечатлениями от поступков великого князя, от разговоров с ним во время путешествия по России, в том числе и Сибири, в 1837 году. Второе путешествие с наследником, уже по Европе, Жуковский предпринял в 1838 году. Воспитание наследника было окончено. Вскоре поэт получил чин тайного советника, при этом ему было сохранено большое жалованье, которое он получал в должности наставника.

«Государь соизволил, чтобы Жуковскому до смерти представлено было все, чем он пользовался по должности наставника. Ему позволено жить там, где он найдет для себя удобнее и приятнее... Он был произведен в тайные советники. Но самую ценную для себя наградою почитал Жуковский высочайшее повеление, чтобы он и в отсутствие свое всегда считался состоящим на службе при цесаревиче. По собственному выражению Жуковского, государь устроил его будущее, как добрый, заботливый отец»⁴⁶.

«Мое государственное дело с Вами окончилось, – писал Жуковский великому князю в 1839 году, – но дело личное, дело нашей взаимной любви кончится только с моей жизнью.



Ил. 24. Ф. Крюгер. Портрет Александра II. Германия. Ок. 1840. Холст; масло. Инв. № ГЭ-9470. Государственный Эрмитаж



Ил. 25. Л. де Марс (литограф), Ф. Крюгер (автор оригинала). Портрет императрицы Александры Федоровны и трех ее дочерей: Марии Николаевны (профиль вправо), справа Ольги Николаевны (профиль влево), внизу Александры Николаевны. Берлин. Вторая четв. XIX в. Бумага; литография. Инв. № ЭРГ-19280. Государственный Эрмитаж

Верность моя Вам должна теперь состоять в том, чтобы я без оглядки передавал Вам те мысли и чувства, кои будут мне казаться правдою. Другой дани приносить Вам не могу, но эта дань святая. Знаю, что Ваше сердце моему родное, что мое всегда найдет в Вашем отголосок. Ни к кому из посторонних не можете Вы иметь того отношения, какое имеете ко мне»⁴⁷ (ил. 24).

Но прежде чем покинуть Зимний дворец в качестве наставника цесаревича, Жуковский закончил курс обучения русскому языку младших сестер великого князя – великих княжон Марии Николаевны и Ольги Николаевны (ил. 25). «Мэри и Оли посылают вам тысячу приветствий... не забывайте меня, пишите мне и берегите себя, мой

милый Жуковский, так как вы очень нужны», – писала императрица поэту, лечившемуся в Швейцарии в 1833 году»⁴⁸. Ныне широко известны воспоминания великой княгини Ольги Николаевны, в которых она пишет и об уроках Жуковского: «...прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами... <...> Я склонна признавать за ним красоту и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал»⁴⁹. Видимо, поэт не сумел найти ключика к замкнутому характеру младшей великой княжны. Занятия с княжнами завершились в 1837 году перед путешествиями Жуковского по России и Европе.



Ил. 26. Ф. К. Винтерхальтер. Портрет императрицы Марии Александровны. Франция. 1857. Холст; масло. Инв. № ГЭ-7539. Государственный Эрмитаж. Фрагмент на с. 177

Апартаменты великих княжон находились на первом этаже Северо-западного ризалита⁵⁰. Здесь же в комнатах первого этажа окнами на Неву, рядом с комнатами великих княжон, поселили по приезду в Петербург в сентябре 1840 года невесту цесаревича принцессу Гессен-Дармштадтскую, будущую великую княжну, а затем императрицу Марию Александровну (ил. 26). «Для Мари были устроены апартаменты в Зимнем дворце подле моих, – писала великая княжна Ольга Николаевна, – красивые, уютные, хотя и расположенные на север»⁵¹. Здесь прожила она до апреля 1841 года, когда после бракосочетания переехала на свою половину в Юго-западный ризалит второго этажа дворца.

Еще в феврале 1840 года, когда цесаревич Александр Николаевич был в Дармштадте с целью сватовства к Марии Гессенской, все тот же сопровождавший его Жуковский начал давать принцес-

се уроки русского языка. По приезду в Петербург он продолжал заниматься с ней в Зимнем дворце.

«Принцессе отведены были комнаты в нижнем этаже окнами на Неву, наряду с комнатами великих княжон Ольги и Александры Николаевн... – вспоминала ее юнгфера А. И. Яковлева. – Раз утром вошел в дежурную комнату мужчина очень высокого роста, довольно полный, с маленькой головой, с гладко причесанными волосами, со звездой на груди. Появление его меня несколько озадачило, так как с этой стороны никто не имел права войти, кроме царской фамилии и доктора, а о всех остальных должен был докладывать камердинер. Я только что хотела ему заметить и предложить обратиться к камердинеру, как он весьма вежливо поклонился и сказал:

– Могу ли я вас попросить доложить принцессе, что Жуковский, ее учитель, желал бы представиться ей.





Ил. 27. Е. Тухаринов. Вид Ротонды в Зимнем дворце. Россия. 1834. Холст; масло. Инв. № ЭРЖ-2434. Государственный Эрмитаж. Фрагмент на с. 179

Конечно, я была рада исполнить его желание и сама доложила о нем принцессе и проводила его к ней»⁵².

И, наконец, уже после возвращения Жуковского с цесаревичем из заграничного путешествия ему был поручен надзор за воспитанием младших братьев Александра великих князей Николая и Михаила Николаевичей. В дневнике поэта за 1839 год читаем: «18 июля, вторник. В Петергофе. Поутру у маленьких великих князей. Писание, чтение, география»⁵³. «20 октября. Суббота. На лекциях младших»⁵⁴. Наблюдал Жуковский и за экзаменами великого князя Константина Николаевича, которому в 1839 году исполнилось 12 лет: «26 октября 1839. Экзамен великого князя Гриммом. Обед у Константина Николаевича»⁵⁵. Присутствие Жуковского на экзамене преподавателя А. Ф. Гримма служило доказательством его непререкаемого авторитета. «31 октября 1839 года. Я у Константина Николаевича. Экзамен Коллинса»⁵⁶.

Жилая половина великих князей располагалась в западном корпусе вдоль Темного коридора, окна ее выходили на Большой двор. Она состояла из комнат младших братьев Николая и Михаила Николаевичей (залы № 157–160) и комнат их старшего брата Константина Николаевича (залы № 161–165).

В дневнике Жуковского имя Великого князя Константина Николаевича встречается в 1839–1840 годах постоянно, до отъезда поэта за границу. Известна их обширная переписка, которую Жуковский вел по просьбе великого князя с целью обучения последнего эпистолярному стилю, необходимому для деловой и повседневной переписки. Сохранилось известное изображение допожарного интерьера Ротонды Зимнего дворца (ил. 27), где Жуковский стоит в группе преподавателей младших братьев цесаревича; младшие великие князья Николай и Михаил идут на занятия в свою учебную комнату, а старшие,



Александр и Константин, стоят в дверях. Так, начиная с юной Александры Федоровны, весь свой огромный педагогический талант Жуковский отдал царской семье.

О «серебряном» юбилее его педагогической деятельности тепло вспоминала императрица Александра Федоровна в письме к поэту в Германию в марте 1842 года: «Если вы не очень сердитесь на меня, милый мой Жуковский, то выражаете более человеколюбия и величия души, чем я заслуживаю... И вот мы с вами отпразднуем наши серебряные уроки, кажется в сентябре месяце 25 лет!!! Боже мой, да это целая жизнь»⁵⁷.

К осени 1840 года карьера Жуковского как наставника и педагога фактически завершилась.

Педагогическая деятельность была не менее важна для Жуковского, чем поэтическое творчество. И сожалел он о незавершенных педагогических трудах не менее, чем о незавершенных литературных: «Остался бы, – писал он другу К. К. Зейдлицу в Петербург в 1851 году, – для пользы русских семейств практический, весьма уморазвивающий курс первоначального обучения, который солидно бы приготовил к переходу в высшую инстанцию учения. Но план мой объемлет много, а время между тем летит, работа же по своей натуре тянется медленно; глаза и силы телесные отказываются служить, и я при самом начале постройки вижу себя посреди печальных развалин»⁵⁸.

Однако годы, отданные воспитанию наследника, сделали имя Жуковского-педагога столь же бессмертным, сколь бессмертно имя Жуковского-поэта, друга Пушкина, защитника всех пострадавших знаменитых современников. В наставническом служении счастливо соединились два достойных имени в истории России – имена великого поэта-педагога и царя-реформатора. Александр II всегда с благодарностью вспоминал своего воспитателя.

Показателен такой эпизод. В конце января 1849 года⁵⁹ друзья поэта отмечали пятидесятилетний юбилей его литературного творчества. Неофициальное празднование состоялось в доме П. А. Вяземского. Стихотворение Петра Андреевича, посвященное юбилею творчества Жуковского, тут же положили на музыку и спели. Можно представить это веселое торжество, в котором принимал участие и приехавший наследник. Присутствовавшие послали приветствие Жуковскому в Германию. Было в числе поздравлений и письмо⁶⁰ бывшего воспитанника.

Великому князю довелось нести гроб поэта, когда 29 июля 1852 года его тело было перевезено из Германии к месту захоронения в Петербург, в Александрово-Невскую лавру⁶¹.

«В половине первого часа гроб Жуковского торжественно внесли на кладбище, которое наполнилось народом. Погребение ошастливили высочайшим присутствием его императорское величество наследник цесаревич со своею августейшей сестрою ея императорским величеством великою княгинею Марией Николаевною»⁶².

«Жуковский был в полном значении слова добродетельный человек, чистоты душевной совершенно детской, кроткий, щедрый до расточительности, доверчивый до крайности, потому что не понимал, чтобы кто был умышленно зол <...> Он втуне принял и втуне давал: и деньги, и протекцию, и дружбу, и любовь»⁶³. К нему в полной мере могут быть отнесены его же слова:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были»⁶⁴.

Благородная и безупречная жизнь Жуковского была по достоинству оценена современниками.

- ¹ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 18.
- ² Там же. С. 21, 22.
- ³ Епанчин Н. Е. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 78.
- ⁴ Цит. по: Романовы. Исторические портреты. Александр II. М., 1997. С. 405, 406.
- ⁵ Епанчин Н. Е. Указ. соч. С. 78.
- ⁶ Письма В. А. Жуковского А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 136.
- ⁷ Там же. С. 136.
- ⁸ Цит. по: Афанасьев В. В. Жуковский / Жизнь замечательных людей : Сер. биограф. Вып. 10 (665). М., 1987. С. 159.
- ⁹ Цит. по: Там же. С. 175.
- ¹⁰ Там же. С. 178.
- ¹¹ Биографический очерк В. В. Огарёва. СПб., 1894. С. 40.
- ¹² Смирнова-Россет А. О. Указ. соч. С. 18.
- ¹³ Дневники В. А. Жуковского / примечания И. А. Бычкова. СПб., 1901. С. 54, 58.
- ¹⁴ Цит. по: Афанасьев В. В. Указ. соч. С. 184.
- ¹⁵ Успенский А. И. Императорские дворцы. Т. I. М., 1913. С. 154.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Цит. по: Афанасьев В. В. Указ. соч. С. 220.
- ¹⁸ Формулярный список о службе. В. А. Жуковский. Русский архив. 1902. № 5. С. 86.
- ¹⁹ Там же. С. 87.
- ²⁰ Успенский А. И. Указ. соч. С. 151, 152.
- ²¹ Степанов Н. П. В. А. Жуковский как наставник царя-освободителя. 1852–1902. СПб., 1902. С. 34.
- ²² Цит. по: Афанасьев В. В. Указ. соч. С. 226.
- ²³ Цит. по: Там же. С. 227.
- ²⁴ Цит. по: Степанов Н. П. Указ. соч. С. 32.
- ²⁵ Там же. С. 35.
- ²⁶ Цит. по: Афанасьев В. В. Указ. соч. С. 237.
- ²⁷ Из альбомов императрицы Александры Федоровны // Николай I: Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 170.
- ²⁸ Жуковский В. А. Сочинения. Изд. 7-е. СПб., 1878. Т. 6 : Проза и письма. С. 493.
- ²⁹ Цит. по: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 216.
- ³⁰ Цит. по: Афанасьев В. В. Указ. соч. С. 231.
- ³¹ Смирнова-Россет А. О. Указ. соч. С. 167.
- ³² Записки А. О. Смирновой-Россет : (из записных книжек 1826–1845). СПб., 1895–1897. Ч. 1, 2. С. 43, 44, 48.
- ³³ Цит. по: Афанасьев В. В. Указ. соч. С. 252, 253.
- ³⁴ Цит. по: Там же. С. 169, 198.
- ³⁵ Смирнова-Россет А. О. Указ. соч. С. 169, 198.
- ³⁶ Там же. С. 198.
- ³⁷ Сологуб В. А. Воспоминания. М. ; Л., 1931. С. 153.
- ³⁸ Вяземский П. А. Памяти Плетнёва // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. в 12 т. Т. 7. СПб., 1882. С. 129.
- ³⁹ Смирнова-Россет А. О. Указ. соч. С. 199.
- ⁴⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 8 : Дневники. Л., 1949. С. 63.
- ⁴¹ Яковлева А. И. Воспоминания бывшей камер-юнгферы императрицы Марии Александровны // Исторический вестник. 1988. Т. 31. С. 169.
- ⁴² Цит. по: Афанасьев В. В. Указ. соч. С. 262.
- ⁴³ Цит. по: Там же. С. 264, 270.
- ⁴⁴ Цит. по: Там же. С. 270, 271.
- ⁴⁵ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 14 : Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1857 / сост. и ред. О. Б. Лебедева и А. С. Янушкевич. М., 2004. С. 12.
- ⁴⁶ Плетнёв П. А. О жизни и сочинениях В. А. Жуковского // Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 415.
- ⁴⁷ Степанов Н. П. Указ. соч. С. 92.

- ⁴⁸ Из альбомов императрицы Александры Федоровны. С. 171.
- ⁴⁹ Сон юности. Воспоминания Вел. кн. Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 185, 186.
- ⁵⁰ Сохранились акварельные изображения двух младших княжон, Ольги и Александры («Гостиная рокаль» и «Готическая гостиная»).
- ⁵¹ Сон юности. Воспоминания... С. 175.
- ⁵² Успенский А. И. Указ. соч. С. 189, 190.
- ⁵³ Дневники В. А. Жуковского. С. 501.
- ⁵⁴ Там же. С. 507.
- ⁵⁵ Там же. С. 508.
- ⁵⁶ Там же. С. 509.
- ⁵⁷ Из альбомов императрицы Александры Федоровны. С. 172.
- ⁵⁸ Жуковский В. А. Баллады. Дневники. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 452.
- ⁵⁹ Письма царственных особ к В. А. Жуковскому / гл. ред., авт. вступ. ст. В. С. Киселев. Томск, 2020. С. 152, 153, 329, 330.
- ⁶⁰ Там же. С. 152, 153.
- ⁶¹ Зайцев Б. К. Жуковский // Далекое. М., 1991. С. 138.
- ⁶² Кривич В. На кладбище Александрово-Невской лавры // Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1997. С. 163.
- ⁶³ Смирнова-Россет А. О. Из «Воспоминаний» о Жуковском и Пушкине // В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М., 1999. С. 248–249.
- ⁶⁴ Жуковский В. Стихотворения. Баллады. Л., 1983. С. 143.